

ЧИТАТЬ ТО,
ЧТО НЕ ПЕРЕСТАЕТ НЕ ПИСАТЬСЯ.
ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО (БАРТА)

Галина Русецкая

READING WHAT DOES NOT CEASE TO NOT WRITING.

A LOVER'S WRITING (BY R. BARTHES)

© Galina Rusetskaya

Master of Philosophy, lecturer in the Department of Innovative Project Management at Industrial Enterprises of the Belarusian National Technical University (BNTU), psychoanalyst, the author and coordinator of a psychoanalytic seminar.
67 Nezavisimosti Ave., building 18, 220013 Minsk, Belarus

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4814-9106>

E-mail: halina.rusetskaya@gmail.com

Abstract: The article interprets the text of *A Lover's Discourse: Fragments* by Roland Barthes from the position of structural psychoanalysis. The emphasis on the individual manifestations of the lover's discourse of Barthes serves the task of extending a love discourse. To date, there are two types of the discourse of love – the poetic, in a broad sense, and the psychoanalytic. The author of the article remains on the side of psychoanalysis and discovers some structural displacements of the “love speech” that take it beyond the limits of the register of the Imaginary.

Simultaneously with the indicated displacement, the falling out of the discourse of love beyond the limits of conventional speech is noted. This fallout serves as a criterion of the most reliable way to say something about love. If a lover's speech gets off, undergoes a stumbling block, breaks into fragments, then the psychoanalytic discourse gives an explanation for this failure prolonging the love speech at another level.

Keywords: love speech, object, fantasm, meeting (*tuche*), sexuation, sublimation.

Не перестает не писаться. Несмотря на это, текст должен быть структурирован. Никто не станет вчитываться в то, что записи не подлежит. Любовь не пишется, и для этого «не пишется» есть несколько возможностей, вычлененных Лаканом в семинаре «Ещё»

(2011): не перестает не писаться, перестает не писаться, не перестает писаться (но может и перестать – престаёт писаться). Рамка, в которую заключено то, что не может, но упорствует в желании сказаться, обусловлена следующим обстоятельством: социальная жизнь – это способ купировать любовь. При этом имеет смысл исходить из того, что ни одна из двух опций не является приоритетной по отношению к другой.

1. Измерение стыда

Во «Фрагментах речи влюбленного» Барт пишет: «Кто глупее влюбленного? Он столь глуп, что никто не осмеливается публично держать за него речь без серьезного опосредования: романа, театра или анализа (держа эту речь пинцетом)» (Барт, 1999, с. 216). Влюбленный выпадает из продуктивности социальных отношений, основанных на сговоре не замечать, как проступает инфантильное измерение жизни. Тем хуже для носителя, если проступает оно непосредственно или с опорой на слишком наивные дискурсивные тактики, не способные превзойти конвенцию и явить искусственность. Речь влюбленного галлюцинаторна и асоциальна, влюбленный кажется идиотом, не освоившим способы прятать свое состояние.

Прятать приходится историю становления существом, порывающим со своей биологической составляющей. Конечно, культура среди прочего работает и в направлении принятия телесности. Проблема, однако, в том, что раскол между биологическим и культурным не снимается, он остается конститутивным. Наличие пола и смертность субъекта тягощуют любовь. Субъект любви уязвим ввиду несовершенства телесной оболочки: она подвержена распаду, она не тождественна идеализированному (хорошо, если так) образу. Тело ставит подножку возвышенному состоянию, оно тоже участвует.

2. Засилье образа

Первый слой, снимаемый восприятием речи влюбленного, вызывает тошноту. Речь влюбленного перегружена имажинацией. «Рефлексия мне, конечно же, дозволена, но поскольку она тотчас вовлекается в коловращение образов, то никогда не становится рефлексивностью...» (Там же, с. 273). Возможно ли устранить образ? «Фрагменты» насквозь прошиты воображаемым, хотя Барт ставит задачу обнаружить другой регион, из которого можно было бы судить.

Наивная и одновременно неизбежная составляющая любви – плененность образом. Бесконечная нюансировка деталей любимого объекта – походка, голос, край одежды – перерастает у Барта в нюансировку переживаний, как будто призванных приобщить читателя к авторскому фантазму, затащить его в «тоннель любви»,

в котором застрял влюбленный. Фантазия – это прибежище и для потерпевших неудачу в любви. Проблема в том, что именно в силу наличия этого убежища неудача и случается. Куда ни глянь – везде образ любимого, то есть сам любящий со своим имагинативным я. Нарциссическое измерение любви не чуждо, сколь бы ни усердствовали в его разоблачении.

С психоаналитической точки зрения любовь к себе проблематична в силу того, что собственное я расположено «на линии вымысла, совершенно неустранимой для самого индивида» (Мазин и Лакан, 2005, с. 58). Завороженность цельностью образа (отражением в зеркале) возникает одновременно с разрывом между телесным опытом и имаго – между мной и мной же. Таким образом, место Я оказывается неочевидным, подвешенным. Нарциссизм же – не что иное, как влечение к зримому, очевидному, неразложимому, к «хорошей форме».

Здесь можно актуализировать хорошо обоснованную в традиции лакановского психоанализа трактовку появления социальной жизни на стадии зеркала. Известное расщепление на Я телесное и образ Я в зеркале записывается на психическом уровне и является условием возможности обнаружения другого и Другого. Нарциссическая структура несколько парадоксальным образом отсылает к социальному – тому социальному, в основе которого – миметизм. В связи с этим в очередной раз хочется обозначить психоаналитическую позицию, несколько более утонченную, нежели лихое разделение на «приватное и общественное», «социальное и индивидуальное». Субъект отмечен соподчиненностью перспектив: я – в картине, а картина – в моем глазу. Петля самооборота – визуальный эффект и объяснительная модель ловушки образа.

Рано или поздно я желаю быть увиденным глазами любимого. Но «...я с такой силой спроецировал себя в другого, что, когда его нет со мною, я и себя не могу уловить, восстановить: я потерян – навсегда» (Барт, 1999, с. 191). Неочевидное собственное Я траверсирует в поисках лучшей формы, стремясь ухватить свою же раздробленность.

Влюбленный Барта желает (время от времени) понять, что с ним происходит. Мы тоже. «Ставки в деле понимания высоки» – так вполне мог сказать сам протагонист. Понимание может порвать имагинативную ткань. Что ж.

3. Любовь неподъемна

Кажущаяся недостижимой цель – перейти через фантазм, сохранив любовь. Ведь своеобразная конфигурация фантазма и есть условие возможности объектной любви. Парадоксальное условие: фантазм маскирует объектность, давая тем самым возможность объекту быть встроенным в психическую жизнь. Объект в психоаналитическом смысле дает подсветку той сцене, на которой

возможна встреча. Встреча и есть ловушка фантазма, помещающая уже объект любви (того, кого я люблю) в область, к которой ни он, ни его желание не имеют отношения. В этой структурной асимметрии исчезает состоятельность любви. Приманка – одновременно и препятствие, условие невозможности. Фантазм покрывает иную (какую?) возможность любви.

«Странно, но ощущение истины гнездится именно в самой глубине обмана. Обман освобождается от всех прикрас, становится столь чистым, что, словно простой металл, уже ничто не может его исказить; вот он уже нерушим» (Там же, с. 186). Барт говорит о несоизмеримости перспектив социальной жизни и жизни любовной. То, что принимается за достоверное в социальной жизни, является обманом для субъекта любви. Не имея возможности полностью отказаться от социальных реверансов, влюбленный держится за последнюю обманную оболочку, за которой скрывается истина любви – ее пустотность, бесосновательность, бессмысленность, подчиненность декоративному элементу, превращенному в несущую конструкцию, – то есть за обман в качестве истины, на которой, словами Лакана, «не женятся» (Лакан, 2008, с. 233). Что больше похоже на фиаско, как не эта подмена, которую невозможно исправить? Объект не поддается коррекции, служит преткновением символизации, причиной ее сбой, недоступности адекватной речевой формы.

Любовь оказывается не по плечу влюбленному – в силу ускользающего характера ее сути: «...истина – это та часть фантазма, которая должна быть отложена на будущее, но не отринута, остается нетронутой, непреданной; та его неустраняемая часть, которую я все время стремлюсь хоть раз узнать, прежде чем умру» (другая формулировка: «Значит, я так и умру, не узнав, и т. д.») (Барт, 1999, с. 187). И это вторая смерть, символическая – полный, необратимый крах, сравниваемый Бартом с расчеловечиванием узника Дахау (Там же, с. 190).

4. Не пишется / не перестает не писаться

Пока любовь остается культурной сверхценностью, она занимает место истины, вокруг которой можно наворачивать круги. Любовь не перестает не писаться. Где следы того, о чем не смог сказать автор? Повсюду. Встречи не будет, страдание должно длиться вечно и ничем не закончиться. Вместе с тем водевильное измерение нюансированного, интеллектуализированного, но и стремящегося порвать со всяким «дискурсом» повествования тоже имеет место.

Встреча (*tuche*). Это означающее может косвенным образом помочь. Встреча не случается все в том же смысле: если нам дорога встроенность в социальную жизнь, в рамках которой принято руководствоваться причинно-следственной связью событий и явлений, мы не станем атипичным (не имеющим места) влюбленным, от

лица которого говорит Барт. Встреча в психоаналитическом смысле выпадает за рамки причинно-следственной связи, образуемой всегда задним числом. Встреча не входит и в движение фрейдова повторения. Напротив, как утверждает Лакан в XI семинаре, повторение движимо избеганием встречи (Лакан, 2017, с. 138). Если встречи не будет, если она грозит распадом, крахом привычного хода вещей, она имеет место как всегда уже несостоявшаяся, то появляется иная возможность держать речь. Эта речь организована таким образом, что ответ в ней предшествует вопросу. Письмо приходит по назначению, поскольку ответ дается отчуждению, а не полноте присутствия другого.

А пока не пишется, происходит следующее. Автор отдает себе отчет: «...он устраивает полицейскую тиранию, все время подвергая любимого лукаво-подозрительной слежке, между тем как сам ничуть не возбраняет себе быть впоследствии неверным и неблагодарным. Итак, что бы он сам ни думал, сердце влюбленного полно дурных чувств: его любовь не благодарна» (Барт, 1999, с. 408). Хаос и разрушение, вербальная галлюцинация – то, что несет на себе в качестве отпечатков дискурс влюбленного.

Здесь самое время и место вступления дискурса аналитического, притом что Барт также аналитичен. Воображаемый узел влюбленности психоанализ распутывает или разрубает, поскольку имеет дело с измерением по ту сторону воображаемого.

5. Непреодолимость как возможность. Как начать писать

Отчуждение неустранимо. Барт напрямую соотносит начало письма с концом любовной истории. Другое дело, что сама эта история никогда и не была чем-то обозримо цельным, региональным, местом совпадения устремлений, совместностью, а значит, и чем-то завершенным. Отчуждение является структурообразующим отношений, которых, что логично, не существует. Отвечать на загадку желания другого приходится без всякой связи с вопросом. Известная лакановская формула «любить – это дарить то, чего не имеешь» (Лакан, 2010, с. 135) (тому, кто в этом не нуждается), наверное, имеет наибольший индекс цитирования среди читателей Лакана. Важно не сводить эту формулу к ностальгии по утраченному, никогда не существовавшему и не рассматривать невозможность встречи и отчуждение как тупик. Напротив, структурное несовпадение, заслуживающее отдельного рассмотрения, подвигает на поиск языка любви, делает возможным письмо.

Одна из глав XX семинара Лакана называется «Душевное послание». Виртуозность лакановского стиля позволяет в нужных пропорциях смешивать душещипательность и математику: «одушевляет – души не чаёт» плюс логика сексуации с опорой на теорию множеств (Лакан, 2011). Речь идет о структурной асимметрии женского и мужского наслаждений и способов справиться

с ними – сексуаций. Напомним, что пол – мужской и женский – рассматривается с подачи Лакана в психоанализе как означающее, вне прямой связи со строением тела. Существуют мужской и женский способы отнести к фаллическому наслаждению, безграничному наслаждению праотца, представленному в воображаемом. Мужская сексуация опирается на исключение, которое делает возможным правило: полнота наслаждения праотца невозможна для всех остальных мужчин. Женская сексуация содержит логическое противоречие: не все в нем подчинено фаллическому, в то время как нефаллического не существует¹. Если исходить из этой асимметричности, не подчиняющейся принципу взаимодополнительности, то становится ясно, почему записи сексуальные отношения не подлежат.

Тем не менее немота может быть прервана. Напомним, речь идет о сцене письма, возможного/невозможного в режимах от «не пишется» до «не перестает писаться». «Контур раны может быть языковым», пишет Барт (Барт, 1999, с. 113). Несомненно. Как ресурсами языка можно затянуть рану, образованную им же? Любовь – результат изгнания из сексуальных отношений, поэтому приходится создавать искусственную сцену письма и уповать на возможность их записи. Невозможность встречи (*tuche*), повторение (*Wiederholung*) этой невозможности, расхождение логик сексуаций, фантазматическое сокрытие положения вещей в бессознательном с помощью «хорошей формы» – неплохой материал для письменной работы или работы письма.

Если «любовь – это знак смены дискурса» (Лакан, 2011, с. 23) и «когда любят, пол тут ни при чем» (Там же, с. 33), удвоение сцены письма должно иметь смысл: всякий более или менее убедительный литературный текст (вторая сцена) производится благодаря вуалированию либидозного события (первая сцена), которое прописывается с использованием иного языка, структура которого имеет вытесненный характер. Этот иной язык вполне может носить фетишизированный, стагнирующий, стопорящийся посредством пропускающей буквы, которая не читается, характер. Как возможно соотнесение двух сцен письма – той, на которой производится запись, и той, на которой «не пишется»? Всегда ли то, что Лакан обозначает как «я ничего не желаю об этом знать» (Там же, с. 7), является источником производства текста?

6. Галлюцинация. Внеисторичность любви на уровне субъекта

Обозначим место галлюцинации в психической динамике, вне которой форм любви не выстроить. Расхождение векторов потребно-

¹ Об этом пишет Айтен Юран в тексте «О любви, математике, Боге и другом наслаждении», а именно в пункте 2.1 «Функция именованья в теории множеств»: <https://esse-journal.ru/?p=2516>.

сти и желания является конститутивным для субъекта и случается на самых ранних этапах. Вначале требование, направленное к другому с целью удовлетворить потребность, будучи выраженным в языке, используемом ребенком хаотически, наощупь, отделяется от потребности. Отделившись, встроившись в хоровод означающих, требование образует собственное измерение, в котором всегда уже есть Другой, и становится в итоге желанием. Желание – это трансформированное означающим до неузнаваемости требование. Получившее пропуск желание, позабыв о своей связи с требованием, а значит, и с потребностью, начинает блуждать в теснинах означающих, желать невозможного – невозможного по структурным причинам. В то же время субъект желания получает новый источник радости – сами означающие с их весьма непростой связью с потребностью и требованием. Другой с большой буквы рад встрече с субъектом со сколько-нибудь связным посланием (письмом). Отсюда поднадоевший культурный тренд: невозможность сосуществования в любви с другим со строчной буквы подвигает на смену адресата – писать в вечность, стол, литературно-художественный журнал. Но и на тонком плане та же история: кому не пиши, напишешь Другому (Другой другому рознь).

Если обратиться к доэдипальной стадии, которая, как и все другие, всегда с субъектом, упакована в нем и в определенном смысле является внеисторической, то можно обнаружить галлюцинаторное удовлетворение, связанное с ожиданием объекта (груди). Уже здесь можно не только зафиксировать расхождение «реальности» и «галлюцинации», никогда не возникающей на пустом месте, но и засвидетельствовать равнозначность галлюцинаторного удовлетворения и фактического или метонимического характера удовлетворения. Парадокс, на который указывает Лакан, опираясь на Мелани Кляйн: саму реальность можно идентифицировать только благодаря первичному различию между действительно объектом (грудь) и ее галлюцинаторным заменителем, который формируется благодаря ее ожиданию. Способность к спекулятивному мышлению формируется благодаря этому зазору (Лакан, 2018, гл. XII).

Нас же в большей степени должно волновать то обстоятельство, что субъект будет искать любовь в качестве ответа Другого на его, субъекта, требование, являющееся частью жизненно важной потребности, требование, выдвигаемое по привычке, сформированной в доисторические времена младенцем, погруженным в вербальную галлюцинацию. Любви таким образом не сыскать, но можно не переставать формировать желание, отслоившееся от потребности и требования, оставшихся на сцене бессознательного, куда желанию дорога не заказана.

И все же любовь незримо присутствует в диалектике потребности, требования и желания – в форме «это не то». Любовь – это галлюцинация, в рамках которой все совпало, и одновременно – способ справиться с невозможностью этого совпадения. Почти

реализуемая задача – совмещение двух топик, галлюцинаторной и сознательной, давшей право на жизнь галлюцинации.

В финальной сцене фильма «Час волка» Ингмара Бергмана героиня, анализируя причины психической катастрофы, случившейся с мужем, предполагает, что, если бы она не так сильно любила его – до полноты погружения в его галлюцинацию, – возможно, она могла бы удержать его от падения в психоз. Эта фантазия о возможности войти в галлюцинацию другого, равно как и удержать его самого от вхождения, лишний раз очерчивает проблемное поле любви, в котором предположительно есть место невозможному.

7. Путаница между другим и Другим. Вместо любви

Признание (социальное) – так обозначается горизонт, к которому движется субъект в поисках ответа Другого. Что-нибудь на этом поприще он обязательно обретет. Другое дело, что этот вектор разводит его с измерением любви к отдельно взятому смертному. А в это время влюбленный Барта, находясь в состоянии энтропии, хотел бы быть хоть кем-нибудь: «Любая структура пригодна для жизни» (Барт, 1999, с. 300). У всех, казалось бы, есть место, но не у него. Он пребывает в состоянии распада. Наслаждение, расположенное по ту сторону принципа удовольствия, не дает чувства принадлежности.

Заявленная в подзаголовке подмена вполне объяснима топологически. Любовь к отдельно взятому другому избыточна, она является скорее отклонением, выпадением за систему курсирования потребности, требования, желания и наслаждения, шагом в сторону и участием в чужой мизансцене одновременно. Она – свидетель этого круговорота, ее проблема – в неизбежном расщеплении на беспристрастность и кровную заинтересованность. Любовь – это невозможная позиция.

Признание работает не только на уровне социальной конвенции, но и на бессознательном уровне – в координатах признания/уничтожения. К примеру, знак хлыста в фантазме битья, о котором писал Фрейд, интерпретируется Лаканом именно как фундаментальный знак признания субъекта через уничтожение соперника – кровного брата. Этот знак проступает в отношениях, «которые зовутся любовью». «Сама возможность включиться в отношения, которые относились бы к разряду любовных, предполагает наличие того фундаментального для субъекта знака, которым его признание или уничтожение опосредовано» (Лакан, 2018, с. 294).

Субъект ищет признания в знаке, в который ему предстоит обратиться; знак в свою очередь встроен в символический строй. Через череду отчуждений субъект собой и становится. Речь идет о том роде знаков, которые размечают пространство судьбы. Социальное признание здесь – лишь частный случай или один из

возможных эффектов отчуждающего характера знака. В описанном выше цикле от требования до желания знак, случайным образом привязавший к себе субъекта, будет проступать и в любви, включая тем самым ничего не подозревающего любимого в сценарий любящего.

Удвоение сцены письма – сцена либидозного события и сцена литературного письма – обстоятельства пишущего. Так, Пруст в интерпретации Мамардашвили пишет, чтобы понять, кем все же является предмет его любви. Вполне возможно, письмо как таковое уведет его в область социального признания, в которой нет нужды в некогда любимом другом. А может, он лучше поймет роль метки своей судьбы в ней самой, то есть роль знака, и сцена письма обретет еще одно измерение.

8. Нисхождение как сублимация

В одной из лекций семинара «Тревога» Лакан произносит фразу, на которой заостряют внимание внимательные его читатели: «Только любовь позволяет наслаждению снизойти до желания» (Лакан, 2010, с. 221). И далее: «...любовь-сублимация позволяет наслаждению снизойти до желания» (Там же, с. 222). Наслаждение, разворачивающееся по ту сторону принципа удовольствия, в определенном смысле обречено на реализацию; субъект, по сути, вписывается в его логику без выбора. Желание же предполагает некую ориентацию в происходящем, распознавание – субъект придает ему форму и направление. При всей своей условной стихийности наслаждение призвано снизойти до желания, но не само по себе, а с позволения любви: «только любовь позволяет...» и «любовь-сублимация позволяет...». Любовь здесь некое *x*, пустое означающее, условие возможности снисхождения.

Но сублимация – это возгонка, движение снизу вверх или, как принято, не задумываясь, определять, – перенаправление либидо на социально приемлемые цели. Лакан же говорит о нисхождении или снисхождении. Обозревая эти социально приемлемые цели и пути к ним, нетрудно обнаружить неприкрытое перверсивное начало в самой возгонке. Настоятельность, с которой иногда вписывают себя в вечность, имеет мало возвышающий характер. Не будет лишним оговориться, что психоаналитическая позиция в отношении низа и верха подразумевает скорее топологию, нежели мораль. Стоит помнить, что символическое не является чем-то вроде региона с пропускной системой; оно встраивается в субъекта без всякого его намерения.

Перспектива поменять направление приводит к топологической конструкции в виде бутылки Клейна. Культурное производство не является эффектом дистилляции влечений. Имеет место все то же движение: желание, сформированное путем вписывания бытия субъекта в знак, его возвращение на уровень потребности,

навсегда испорченной вмешательством знака, и заход на новый круг желания.

Поскольку мысль не может довольствоваться неизбежностью, то возникает греза о способе культурного производства, допускающего утечку. Избыточность, ради которой и затевается всякое культурное производство и которая при этом не исчезает за горизонтом во время неистовой возни с ним, предположительно осуществляется в логике женской сексуации, представленной выше. Если отвлечение от цели рассматривается как ключевая характеристика сублимации, то нужно иметь в виду, что траектория движения по меньшей мере циклична и в качестве собственной возможности она (сублимация) затрагивает разрыв между тем, чего никогда не было, и тем, что повторилось вновь.

9. Провал дискурса. Перестает не писаться

Барт ищет форму повествования, не укладывающуюся в академизм и избегающую поэтической аггравации. Литература, философия, психоанализ поставляют автору материал для высказывания, как если бы возможность любовной речи можно было отыскать среди расщелин других дискурсов, уже обретших свое место в культуре, но так и не сумевших указать верное направление. Сингулярность случая – этим можно объяснить неудачу в поисках универсального ответа на вопрос о любви. Все решают детали, случайным образом сформировавшие констелляцию фантазма и способ справиться с угрозой распада. Невозможная любовная позиция актуализирует несводимость моего опыта к абстрактно человеческому и одновременно обнаруживает радикально чуждые, неизвестные мне способы включения, вмененные Другим.

С кем или чем встречается субъект любви? Во-первых, имеет место встреча с собственным бессознательным; эта встреча выпадает из причинно-следственной связи (следствия возможны ввиду отсутствия причины). Во-вторых, «глаза их встретились», то есть встреча затрагивает кого-то, кого я вижу в качестве другого, но в ареоле моего фантазма. Высший пилотаж – отделить одно от другого.

Два условия возможности любви или письма, которое перестает не писаться, выделяет Лакан: мужество и распознавание (Лакан, 2011, гл. XI, пункт 4). Мужество необходимо, чтобы справиться с невозможностью, отчуждением, разрывом фантазии. Без распознавания не обойтись, поскольку судьба субъекта бессознательного предопределена встроенными в тело пунктирно проступающими знаками. Прочтение знаков бессознательного другого человека собственным бессознательным – начало письма.

10. Не перестает писаться

«Отныне в сознании моем работает сама собой какая-то машина вроде шарманки, рукоятку которой, переминаясь с ноги на ногу, вертит безымянный музыкант – и которая никогда не смолкает. При красноречии ничто не может помешать переливанию из пустого в порожнее. Как только мне случится произнести про себя «удачную» фразу (в которой, как мне кажется, найдено точное выражение какой-то истины), фраза эта становится формулой, какую я повторяю пропорционально приносимому ею облегчению (находка точного слова эйфорична)...» (Барт, 1999, с. 193). Это не то письмо. Барт критичен в отношении подобного текстопроизводства, поскольку оно свидетельствует о том, что не пишется, а должно бы не переставать писаться. Невозможность сменяется случайностью (ведь начало письма засвидетельствовано) и перерастает в необходимость. Так предположительно должно состояться любовное письмо. В некотором роде оно – результат расхождения сцен и одновременно ответ на вопрос об их соотношении. Нас интересует не текст в качестве еще одного артефакта культуры, а текст, сотканный из проступающих букв бессознательного.

Культура уже имеет перечень освоенных форм любви, но вичкам приходится постигать ее механизм, сталкиваясь с рядом трудностей. К примеру, любви вменяется участие в двух представленных выше (пункт 8 данного текста) разнонаправленных процессах – нисхождении и возгонке. Добавим, что возгонка связана с феноменом куртуазной любви, разводящей реальную смертную женщину и ее идеализированный образ. Впрочем, точнее было бы говорить не о возгонке, а смещении, отстранении. Нисхождение в свою очередь завязано на необходимость возвращения на стадию, когда биологическое существо рождается в символическое, – иначе либидозную сцену не затронуть. Это действительно противоречивые каноны, расположенные на уровне требования в психоаналитическом смысле: любовь «возвышает», идеализирует и в то же время имеет вид милосердия и снисхождения. Таковы координаты пишущего (любящего).

Не перестает писаться что и как? Психоаналитическая оптика задает иное в сравнении с литературоведческой и редакторской оптиками видение текста. В определенном смысле для психоаналитика плохого текста не бывает. Несущими смысл оказываются шероховатости, разрывы, ошибки. Гладкость письма скрывает смысл. Из выступающих огрехов и нарочитой выверенности складывается некая конфигурация, которая призвана свидетельствовать о психической истории или судьбе пишущего. Эту историю субъект с неизбежностью будет предъявлять другому. На затирание этой истории работает социальная конвенция, в то время как предположительно любящий распознает (читает) то, что (теперь уже наконец) не перестает писаться.

В одном из фрагментов текста Барт упоминает письмо Фрейда невесте, в котором тот просит ее отвечать, иначе Фрейду придется додумывать происходящее и его пугает возможность ухода в собственную фантазию. В свою очередь Барт наделяет терпеливую, длянущую вне зависимости от ответа адресата речь самообладанием матери (Там же, сс. 263, 264).

Литературная форма должна быть достаточно плохой, чтобы затронуть скелет, сингулярную историю пишущего. Плоха она в нескольких смыслах. Во-первых, в своем разрыве с конвенциональными правилами письма, от которых никуда не деться. Во-вторых, она плохо скрывает либидозное событие. В-третьих, непрямо, недостоверно свидетельствует (прямым свидетелем может быть только психотический субъект). Текст «Фрагментов» движим желанием обнаружить скелет, вневременную форму, прокрустово ложе, в которое укладывается жизнь. Все средства хороши: микширование первоисточников, фрагментированное письмо, попытки избежать ловушки психологизации и оставить место для нехватки. И все же любовный дискурс отдает картонностью, что с ним ни делай. Чудесным образом в нем сходятся сингулярность и предельная пошлость. Брезгливость сохраняется, поскольку неустранимо именно это измерение так называемой любви, от которого она бежит, – недифференцированности дочеловеческого существования.

Любовь не имеет иной причины, обоснования и необходимости продолжать (любить), кроме одной, совершенно случайной: незначительная деталь непостижимым, отсутствующим в памяти знаком вписывает меня в анонимный сюжет, в котором роли распределены без моего ведома. Я могу лишь внимательно вчитываться в сценарий. Письмо, начав писаться, актуализирует движение по разрезаемой вдоль ленте Мебиуса, в каждом новом цикле образуя дополнительное измерение, – идеальная модель любви.

Ну все, хватит.

Литература

- Барт, Р. (1997) *Фрагменты речи влюбленного*. Москва: Ad Marginem, 431 с.
- Лакан, Ж. (2005) *Стадия зеркала*. В: Мазин, В. *Стадия зеркала Жака Лакана*. Санкт-Петербург: Алетейя, сс. 53–72.
- Лакан, Ж. (2008) *Изнанка психоанализа (Семинары, Книга XVII (1969/70))*. Москва: Гнозис; Логос, 272 с.
- Лакан, Ж. (2010) *Тревога (Семинары, Книга X (1962/63))*. Москва: Гнозис; Логос, 424 с.
- Лакан, Ж. (2011) *Ещё (Семинары, Книга XX (1972/73))*. Москва: Гнозис; Логос, 176 с.
- Лакан, Ж. (2017) *Четыре основные понятия психоанализа (Семинары, Книга XI (1964))*. Москва: Гнозис; Логос, 304 с.

- Лакан, Ж. (2018) *Образования бессознательного* (Семинары, Книга V (1957/58)). Москва: Гнозис; Логос, 176 с.
- Мамардашвили, М.К. (1995) Лекции о Прусте. [онлайн] Фонд Мераба Мамардашвили. Доступ по: <https://mamardashvili.com/audio/proust.html> [Просмотрено 15 марта 2019].

References:

- Barthes, R. (1997) *Fragments de discours d'un amoureux* [A Lover's Discourse: Fragments]. Moscow: Ad Marginem, 431 p.
- Lacan, J. (2005) *Stadiya zerkala* [Mirror Stage] In: Mazin, V. *Stadiya zerkala Zhaka Lakana* [Mirror Stage by Jacques Lacan]. St-Petersburg: Aleteiya, pp. 53–72.
- Lacan, J. (2008) *Iznanka psikhoanaliza* [The Reverse of Psychoanalysis] (The Seminar, Bk. XVII (1969/70)). Moscow: Gnozis; Logos Publ., 272 p.
- Lacan, J. (2010) *Trevoga* [The Anxiety] (The Seminar, Bk. X (1962/63)). Moscow: Gnozis; Logos Publ., 424 p.
- Lacan, J. (2011) *Eshche* [Encore] (The Seminar, Bk. XX (1972/73)). Moscow: Gnozis; Logos Publ., 176 p.
- Lacan, J. (2017) *Chetyre osnovnye poniatiya psikhoanaliza* [The Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis] (The Seminar, Bk. XI (1964)). Moscow: Gnozis; Logos Publ., 304 p.
- Lacan, J. (2018) *Obrazovaniya bessoznatel'nogo* [Formations of Unconscious] (The Seminar, Bk. V (1957/58)). Moscow: Gnozis, Logos Publ., 176 p.
- Mamardashvili, M.K. (1995) *Lektsii o Pruste* [Lectures about Proust]. [online] *Fond Meraba Mamardashvili* [Merab Mamardashvili's Fund]. Available from: <https://mamardashvili.com/audio/proust.html> [Accessed 15 March 2019].